

На правах рукописи

Фурман Юлия Владимировна

СОЧИНЕНИЕ ЙОҶАННАНА БАР ПЕНКАЙЁ
«СУТЬ ВЕЩЕЙ, ИЛИ ИСТОРИЯ ВРЕМЕННОГО МИРА»
В СИРИЙСКОЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ

Специальность 24.00.01 – Теория и история культуры

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Ю. Фурман

Москва – 2017

Работа выполнена на кафедре Истории и филологии Древнего Востока ИВКА
федерального государственного бюджетного образовательного учреждения
высшего образования «Российский государственный гуманитарный
университет» (РГГУ)

Научный руководитель:

кандидат исторических наук Селезнев Николай Николаевич

Официальные оппоненты:

доктор философских наук Лурье Вадим Миронович, НИУ Высшая Школа
Экономики, ведущий научный сотрудник

кандидат исторических наук, доцент Кораев Тимур Казбекович, Институт
стран Азии и Африки Московского Государственного Университета, доцент

Ведущая организация:

ФБГОУ ВО «Санкт-Петербургский Государственный Университет»

Защита состоится «10» апреля 2017 года в 14.00 часов на заседании
Совета Д 212.198.06, созданного на базе РГГУ по адресу: 125993, Москва,
ГСП-3. Миусская площадь, д.6., ауд. ____

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке РГГУ по адресу: 125993,
Москва, ГСП-3, Миусская площадь, д. 6 и на сайте РГГУ по адресу:
http://www2.rsuh.ru/binary/object_71.1479725472.33177.pdf

Автореферат разослан « » _____ 20__ года

Ученый секретарь
диссертационного совета

Захарченко И.Н.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Памятники интеллектуального творчества средневекового сирийского Востока представляют немалый интерес для истории мировой культуры.

Объектом настоящего исследования является сирийская интеллектуальная культура, нашедшая свое отражение в сочинении «Книга “Суть вещей, или История временного мира”»¹ восточносирийского монаха Йōханнāна бар Пенкāйē, которое было написано в конце VII в. в северной Месопотамии. Этот письменный памятник является *предметом* данного исследования.

В первой половине VII века в передней Азии произошли большие изменения: персидская империя Сасанидов, под властью которой в основном находилась Церковь Востока², пала под натиском арабских племен, пришедших с Аравийского полуострова. В период 680–692 гг. между правящими кланами установившейся арабской власти шло противостояние, получившее название Второй фитны. Помимо этого, конец VII века обернулся для жителей региона гуманитарной катастрофой: в 686 г. разразился сильный голод, а затем и эпидемия чумы. Сочинение Йōханнāна бар Пенкāйē было создано в этот переломный момент истории и является отражением сирийской интеллектуальной культуры того времени. Сам памятник представляет собой историю мира с момента его сотворения до дней, современных автору (ок. 687 г. н.э.) и состоит из двух частей, включающих в себя общей сложностью пятнадцать глав. Это сочинение занимает особое место в традиции сирийской письменности, что обусловлено следующими обстоятельствами. Прежде всего, следует отметить оригинальный характер данного текста, представляющего собой своего рода богословское изложение истории, в центре внимания которого находятся не исторические факты сами по себе, но взаимоотношение человечества и Бога. Являясь в то же время редким примером восточносирийской «хроники», данный литературный памятник вобрал в себя наследие основного направления деятельности сирийской школьной («схоластической») традиции, а именно библейской экзегезы. Таким образом, «История» Йōханнāна бар Пенкāйē представляет интерес и как историческое повествование, и как богословский трактат, и как ценное свидетельство интеллектуальной деятельности, созданное в русле восточносирийской традиции в это переходное время.

¹ В дальнейшем «История временного мира» или «История».

² С XIX в. Ассирийская Церковь Востока.

Цели и задачи исследования

Цель настоящего исследования — изучить сочинение Йōханнāна бар Пенкāйē, рассматривая его, с одной стороны, в контексте традиции восточносирийского христианства, в которой оно создавалось, а с другой стороны, в историко-культурном и литературном контексте той эпохи, когда оно было написано.

Задачи настоящего исследования определены следующим образом:

- изучить доступные сведения о биографии автора, о сочинениях, которые ему приписывает традиция и которые дошли до нас, а также определить место Йōханнāна бар Пенкāйē в истории сирийской письменной культуры;

- изучить концепцию сочинения «История временного мира» и замысел автора, исследовать понятие «Временный/временной мир», а также проследить историю этого понятия в его культурно-историческом контексте;

- определить место «Истории временного мира» в контексте сирийской литературы, как в синхронном, так и в диахронном освещении, и на основании сравнения выявить особенности этого памятника и те черты, которые объединяют его с литературой той же эпохи;

- изучить содержание произведения и его связь с литературной традицией, в русле которой оно было создано: при рассмотрении содержания «Истории временного мира» выявить принципы, согласно которым автор излагает свою концепцию всемирной истории; особенное внимание уделить истории творения, выявить ее характерные черты у различных восточносирийских авторов, а также показать, какое отражение она нашла в сочинении Бар Пенкāйē.

Методология. В настоящей работе применим междисциплинарный подход, включающий методы комплексного изучения источников: литературного анализа источников, а также анализ их культурно-исторического контекста.

Для решения первой поставленной задачи был использован метод критического анализа источников: собрав данные о жизни и деятельности Бар Пенкāйē, мы выделили из преданий дошедших до нас письменных памятников достоверное ядро и оценили положение автора в истории восточносирийской литературной традиции.

Важную роль в исследовании «Истории временного мира» играет понимание ее исторического контекста и той культурной среды, в которой она была создана. Чтобы узнать предпосылки возникновения этого сочинения, его функционирование, а также то, какое место оно занимало в литературной традиции своего круга, мы использовали метод культурно-исторического анализа. Тогда как для исследования названия произведения: его значения и того, как оно отражает авторский замысел и как связано с литературной средой автора — был применен метод филологического анализа.

Особую роль в настоящей работе занимает метод сравнительного литературоведения и анализ источников. Анализ содержания источников, на основе которого были выделены характерные мотивы и сюжеты в представлении истории творения в восточносирийской традиции, является ядром данного исследования. Некоторые из использованных нами источников труднодоступны, часть и вовсе не издана, поэтому в настоящей работе приводятся цитаты на языке оригинала, снабженные переводом.

Научная новизна данной работы обусловлена прежде всего тем, что личности Йб̄ханн̄ана бар Пенк̄ай̄е, его литературному наследию и сочинению «История временного мира» в частности, посвящено весьма незначительное количество исследований. Автором настоящего исследования использован неопубликованный рукописный материал, при этом впервые подробно анализируется концепция исследуемого сочинения в контексте сирийской литературы, современной автору, а также литературы предшествующей и, в какой-то мере, последующей эпох. В настоящей работе мы предложили анализ истории творения мира на основании сочинения Бар Пенк̄ай̄е, а также других сочинений восточносирийской традиции, а также выделили основные мотивы и сюжеты, обозначили их истоки и наметили этапы развития. Автором работы выполнен перевод первой главы «Истории временного мира» Йб̄ханн̄ана бар Пенк̄ай̄е, которая прежде не издавалась на русском языке (см. приложение к диссертации).

Положения, выносимые на защиту

1. Йб̄ханн̄ан бар Пенк̄ай̄е является оригинальным мыслителем традиции сирийской интеллектуальной культуры, хотя его основное произведение «Суть вещей, или История временного мира», по видимому, оказало незначительное влияние на других авторов.
2. Йб̄ханн̄ан бар Пенк̄ай̄е во многом следовал учению Феодора Мопсуестийского; концепция «двух веков», разработанная

этим мыслителем антиохийской школы, приобретшим большой авторитет на сирийском Востоке, легла в основу «Сути вещей, или Истории временного мира».

3. В толковании библейского первого дня творения, занимающем важное место в структуре «Сути вещей, или Истории временного мира», выделяются следующие характерные черты:

- два этапа творения: собственно творение и последующее формирование;
- иерархический порядок творения;
- творение семи (восьми) первых природ, в т.ч. творение ангелов в первый день, сюжет о природе тьмы и мотив четырех элементов, участвующих в формировании физического мира;
- мотив управления ангелами физического мира;
- учение об изначальной природе человека.

Сравнительный анализ показал, что эти элементы присутствуют в экзегетических сочинениях и других представителей восточносирийской традиции.

4. В своем произведении Йб̄ханнāн бар Пенкāйē — первым и, возможно, единственным из представителей восточносирийской традиции — комплексно описал принципы божественного домостроительства на материале библейской, церковной и мировой истории. Его убежденность в скором окончании истории «временного мира» придала его творению дополнительное своеобразие.

Актуальность исследования. За прошедший век сирология сделала большой шаг вперед. Интерес западных ученых к восточной литературе, приобретение новых рукописей для европейских библиотек, открытие новых имен и памятников заметно продвинули знание и понимание научным сообществом этой области мировой культуры. Но, несмотря на проделанную работу, большое количество памятников остается неизданным и неизученным. И изучение такого важного и характерного произведения как «История временного мира» Йб̄ханнāна бар Пенкāйē представляется весьма актуальным. В последнее время интерес к данному сочинению возрос, появляются новые попытки ученых исследовать те или иные его аспекты. Несмотря на это, оно все еще принадлежит к числу незаслуженно малоизученных памятников: этот текст по-прежнему ни разу не был издан целиком и проанализирован. В отечественной историографии исследования

по данной теме и вовсе отсутствуют.³ Поскольку «История» является одновременно и свидетелем своего времени, и уникальным памятником в жанровом отношении, издание ее в полном объеме и изучение содержания представляют большой интерес.

Научно-практическая значимость. Результаты этой работы могут быть применены как исследователями таких специализаций как сирийская литература и филология, сирийская культура и сирийское христианство, так и специалистами более широкого профиля: культурологами, религиоведами и историками.

Апробация исследования. Основные выводы и результаты исследования были отражены в научных публикациях автора, а также освещались в докладах на следующих международных конференциях:

Международная богословская конференция «Преп. Исаак Сирийский и его духовное наследие», которая прошла 10–11 октября 2013 г. на философском факультете МГУ в г. Москве (International Theological Conference “Saint Isaac the Syrian and His Spiritual Heritage”).

Международная конференция «Христианский Восток: взаимодействие с другими культурами», которая состоялась 4–6 сентября 2014 г. в государственном музее Эрмитаж в Санкт-Петербурге (International Conference “Christian East: Cultural Interactions with Other Traditions”).

Источниковая база исследования. Основным источником для данного диссертационного исследования стал текст «Истории временного мира», находящийся в рукописях L⁴, M⁵, P⁶, S⁷, SP⁸, V⁹, V̇¹⁰.

Структура исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав и приложения. В приложении приводится перевод первой главы из

³ Подробнее история изучения данной темы представлена в разделе Введения диссертации «Источники и историография».

⁴ MS London, The British Library, BL.Or.9385 (XIX в.).

⁵ MS Mingana, Library of the Selly Oak Colleges, Mingana 179 (XX в.).

⁶ MS Paris, Bibliothèque nationale de France, Syr.405–406 (XX в.).

⁷ MS Strasbourg, Bibliothèque nationale et universitaire de Strasbourg, Strasbourg, MS. 4133 (XIX в.).

⁸ MS Saint-Petersburg, ИБР РАН, ИБР РАН Сир 24 = Санкт-Петербург, №41 (XIX в.–XX в.).

⁹ MS Vatican 497, Bibliotheca Apostolica Vaticana, Vat.Syr.497 (XX в.).

¹⁰ MS Vatican 592, Bibliotheca Apostolica Vaticana, Vat.Syr.592 (XX в.).

сочинения «Суть вещей, или История временного мира» Йōханнāна бар Пенкāйē.

СОДЕРЖАНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Во **Введении** содержится постановка проблемы, формулируются цели и задачи исследования, определяются его методологические основания, демонстрируются научная новизна, актуальность и научно-практическая значимость исследования. Помимо этого, во Введении изложена история изучения данной проблемы, а также описана рукописная традиция изучаемого литературного памятника.

Глава I. Первая глава диссертации «Йōханнāн Бар Пенкāйē. Жизнь и творчество» посвящена анализу доступных сведений о биографии Йōханнāна бар Пенкāйē и его литературной деятельности.

Данные о жизни и деятельности Йōханнāна бар Пенкāйē происходят из двух типов источников: «внутренних» и «внешних». «Внутренними» являются сами произведения автора, которые обеспечивают нас относительно надежными сведениями. О времени жизни Бар Пенкāйē становится известно из его сочинения «Суть вещей, или История временного мира», охватывающего период от сотворения мира до дней жизни автора. Так как автор заканчивает писать всемирную историю событиями конца VII в., можно с большой долей уверенности сказать, что он жил на рубеже VII–VIII вв. Из этого же произведения становится известно, что Йōханнāн бар Пенкāйē — несторианский монах.

Внешний источник, сообщающий о жизни Бар Пенкāйē, — это житие, созданное в русле сиро-яковитской традиции. Автору этого жития Йōханнāн был известен также под именем «духовного старца» (ܩܘܕܝܫܐ ܩܘܕܝܫܐ). Согласно этому жизнеописанию, Бар Пенкāйē был монахом в монастыре мār Йōханнāна в Камуле, который в то время возглавлял мār Сабрйшō‘. Через некоторое время Бар Пенкāйē удалился из этого монастыря для уединенной жизни в затвор, где проводил время в молитвах, постах и битвах против различных демонов. Автор жития сообщает, что Бар Пенкāйē жил также в обители Аргола и обучался в Дальятском монастыре, который построил Йōханнāн Дальятский. Умер Бар Пенкāйē в возрасте 73 лет и был погребен в монастыре мār Йōханнāна в Камуле. Помимо этого, из жития мы узнаем, какие сочинения написал Бар Пенкāйē во время уединенной жизни. Также вся биография сдобрена некоторыми чудесными деталями из жизни Йōханнāна.

Это жизнеописание написано в агиографическом жанре и несет в себе мало сведений о жизни Бар Пенкāйē. Проверить их подлинность практически

никак нельзя. Еще бóльшую неопределенность вносит то, что Бар Пенкәйе здесь назван «духовным старцем», эпитетом, который обычно принято относить на счет Йбәханнәна Дальятского, жившего веком позднее. Напротив, начало биографии особых сомнений не вызывает. По-видимому, Йбәханнән действительно был связан с монастырем в Камуле. Подтверждается это тем, что одно из метрических сочинений («слов»), которые дошли до нас в составе некоторых рукописей «Истории», посвящено Сабрйшб, основателю монастыря в Камуле.

Сведения относительно значения имени Йбәханнәна бар Пенкәйе происходят из дошедших до нас рукописей «Истории», которые, предположительно, содержались уже в протографе, написанном в 1262 г. (также о значении имени сообщают Э. Захау, Р. Дюваль, А. Баумштарк и Йбсиф д-Бет Қеллайтә): Йбәханнән назван «по имени своей деревни Пенех, которая располагается выше города Гәзәртә».

Неудивительно, что за недоступностью тех немногих источников о жизни Йбәханнәна бар Пенкәйе, его личность оставалась загадкой вплоть до XX в. и открывала массу возможностей интерпретации и отождествления для тех, кто сталкивался с этим именем.

В 1653 г. маронит ал-Җақилляни опубликовал и перевел на латынь «Каталог» ‘Абдйшб, где имя Йбәханнәна претерпело некоторые метаморфозы: ал-Җақилляни читает *د بر پنکي* (*br pnky?*) как *د بر پرنجی* (*br prngy?*) и переводит на латинский язык как «Bar-Frangoje», что значит «сын франков». Это чтение дало повод Истифанусу ад-Дувейхи (1630–1704), известному маронитскому патриарху, автору сочинения «История названия маронитов», в своей работе отождествить первого маронитского патриарха Йбәханнәна Марона с Йбәханнәном бар Пенкәйе. Согласно ему Йбәханнән Марон был сыном Агафона и племянником Карла Великого, который прибыл из Франции и завоевал Антиохию и всю Сирию. Ссылаясь на «Каталог» ‘Абдйшб Нисивинского, ад-Дувейхи сообщает, что среди сирийских писателей и ученых мужей этот несторианский автор перечисляет Йбәханнәна Марона и называет его «Йбәханнәном, сыном франков».

Еще одна легендарная личность, с которой ошибочно отождествляли Йбәханнәна бар Пенкәйе, — это Йбәханнән «Старец», сирийский автор мистических трактатов, известный также под именем «Духовный старец», которым были надписаны его сочинения, переведенные на арабский и эфиопский языки. Проблема отождествления «Духовного старца», чьи произведения были распространены по всему Ближнему Востоку, с какой-то конкретной исторической фигурой занимала ученых со времен И.С. Ассемани. Большая часть из них склонна была отождествлять

Йōханнāна «Старца» с Йōханнāном Дальятским, восточносирийским автором, жившим в VIII в. Другая группа ученых отождествляла Йōханнāна «Старца» с Йōханнāном бар Пенкāйē. Такое предположение возникло вскоре после того, как Э. Захау опубликовал в 1899 г. в каталоге сирийских рукописей Берлинской библиотеки упоминавшееся выше жизнеописание Йōханнāна бар Пенкāйē, где он был назван Йōханнāном «Старцем». Третий подход к проблеме отождествления личности Йōханнāна «Старца» представляет исследователь Б. Коллесс, который предполагает, что под этими тремя именами (Йōханнāн «Старец», Йōханнāн Дальятский и Йōханнāн бар Пенкāйē) скрывается один и тот же человек. В настоящее время же принято разделять личности Йōханнāна бар Пенкāйē и Йōханнāна Дальятского, носящего также эпитет «Старец».

Естественным образом, такая ситуация отразилась и на атрибуции различных сочинений этих авторов. Корпус сочинений, приписываемый разными источниками Йōханнāну бар Пенкāйē, представляет собой проблему, которая на данный момент решена может быть только частично.

О работах, написанных Йōханнāном бар Пенкāйē, нам известно из следующих источников. Это каталог 'Абдйшо' (XIII в.), предисловие Йōсифа д-Бēt Қеллайтā к «Книжице крупиц» (1898 г.), жизнеописание Бар Пенкāйē, дошедшее до нас в рукописях яковитского происхождения, и «Книга-сокровищница о поэтическом искусстве сирийцев» (1875 г.) Габриэля Кардахи. Помимо этого, в нескольких списках «Истории» содержатся «слова» (мемры), которые приписываются Йōханнāну бар Пенкāйē и явным образом в этих источниках не упоминаются.

В заключении первой главы приводится немногочисленный список сирийских авторов, которые так или иначе упоминают имя Йōханнāна бар Пенкāйē в своих сочинениях (Бар 'Эбрōйō, Йōсиф Ҳаззāйā, Йшō'дād Мервский, Йōханнāн бар Зō'бй, 'Абдйшо', Исхāқ Эшваднāйā).

Глава II. Вторая глава диссертации «История временного мира» посвящена изучаемому сочинению: в этом разделе разбираются названия сочинения, его содержание, представляется концепция, лежащая в основе этого произведения, а также описывается литературный контекст эпохи, в которую оно было написано.

Первое название, которое Йōханнāн бар Пенкāйē дает своему сочинению, — это رِيسَ مَلَلِ (rēš mellē), что можно приблизительно перевести как «суть вещей». Буквально это выражение означает «самые важные вещи, события (в контексте всемирной истории)». Это словосочетание

представляет собой устойчивое выражение, которое в таком же значении, т.е. «резюме», «краткое изложение самого главного», было зафиксировано уже в арамейской части Библии (Дан 7:1).

Второе название — «История временного мира» (*tašṣūtā d-šālmā d-zabnā*), является, в отличие от первого, более емким и нагруженным дополнительными смыслами. Выражение *šālmā d-zabnā* дословно можно перевести как «мир времени». Как правило, конструкции с *d-zabnā* подразумевают противопоставление «вечности», «бессмертию», «неизменности». Исходя из этого, мы предположили, что «временный мир» тоже является составляющей некой двухчастной конструкции, и появление этого выражения у Бар Пенкэйё в названии его сочинения не является случайным. Мы пришли к выводу, что «временный мир» является сирийской передачей концепции «первого века» Феодора Мопсуестийского и отсылает к его учению о двух веках, или двух «катастазах», состояниях человечества: настоящем и будущем. Именно это представление об истории человечества и легло в основу сочинения «Суть вещей, или История временного мира».

Следы присутствия этого выражения можно обнаружить в сочинениях восточносирийских авторов с V по XIII вв., т.е. практически на протяжении всего периода истории средневековой сирийской литературы. Однако более полное развитие концепция «временного мира» получила в сочинении Бар Пенкэйё. Автор хотел не только написать историю мира с момента творения и до тех дней, в которые он жил, он дал описание первому этапу домостроительства по феодорианской терминологии, мысля его уже закончившимся.

Описанию содержания «Истории временного мира» и замыслу автора посвящена вторая часть второй главы настоящей работы.

Первая часть сочинения (1–9 главы) повествует об истории человечества до прихода Иисуса Христа. В первой главе, которая подробно рассматривается в третьей части исследования, изложена история творения и история первых людей вплоть до времени жизни Еноха.

Во второй главе Бар Пенкэйё рассказывает ветхозаветную историю, начиная с повествования о Ное и потопе и заканчивая поражением Иудеи и вавилонским пленом, и касается тех ключевых моментов, которые, на его взгляд, являются демонстрацией скверного поведения людей по отношению к Богу и Его ответом на это (потоп, разделение и расселение людей, появление царей и идолопоклонства, покорение царств Израиля и Иудеи).

Третья глава «Истории» частично соответствует второй Маккавейской книге и повествует, в отличие от второй, о праведниках, борющихся за свою веру (о первосвященнике Онии, старце Элиазаре, о семи братьях и их матери Соломонии).

В четвертой главе Бар Пенкәйе ведет рассказ, основанный на первой и третьей Маккавейских книгах. Первая часть четвертой главы посвящена истории борьбы Иуды Маккавея с селевкидскими правителями за независимость. Во второй части Бар Пенкәйе практически полностью пересказывает третью книгу Маккавеев о борьбе Птолемея Филадельфа с еврейским народом и о его спасении от страшной смерти на ипподроме. Заканчивая четвертую главу, Йәһаннан возвращается к первой книге Маккавеев и очень коротко перечисляет правителей хасмонейской династии, которая обрывается с приходом к власти Ирода Великого. Так автор подходит к рождению Иисуса Христа, что является темой уже следующей, второй части «Истории», и на этом заканчивает собственно историческое повествование и переходит к толкованию пророчеств и описанию языческих культов.

В пятой главе Бар Пенкәйе отходит от конкретных событий и обращается к более общим закономерностям, действующим на протяжении всей человеческой истории. В этой главе Йәһаннан рассказывает о демонах, противниках Божественного замысла, их свойствах и характере их деятельности.

Следующие три главы Бар Пенкәйе посвящает толкованию знаков, символов и пророчеств Ветхого Завета об Иисусе Христе и событиях новозаветного времени. Шестая глава включает в себе толкование избранных мест Пятикнижия, символизирующих или сообщающих о грядущих событиях, о которых Йәһаннан собирается рассказать во второй части «Истории». Особое внимание уделяется той части завещания Иакова, которая относится к колену Иуды, и пророчеству Валаама. В седьмой главе Бар Пенкәйе продолжает тему ветхозаветных символов и пророчеств об Иисусе Христе, о христианах и будущем. Согласно Йәһаннану, ключевые моменты прошлого зеркально отражают ключевые моменты будущего. Таким образом, весь Ветхий Завет является предвестником Нового, который можно поделить на деяния, т.е. символы, и на слова, т.е. пророчества. В качестве символов Бар Пенкәйе рассматривает еврейскую Пасху, исход из Египта и скитание по пустыне, медного змея, золотого тельца, образ Иисуса Навина и переход через Иордан. В качестве пророчеств Йәһаннан

рассматривает Пс 2, 8 и 45 (в масоретской нумерации). В восьмой книге Бар Пенкәйе толкует Пс 110; также наш автор пишет о символах, заключенных в казни, которую пророк Илия устроил жрецам Ваала на горе Кармель, и в истории пророка Ионы, спасшего языческий город Ниневию. Основной темой толкования деяний и пророчеств в этой главе является указание на особую роль языческих народов в новом мире, который наступит с приходом Иисуса Христа.

Девятая глава, заключительная в первой части «Истории», посвящена истории идолопоклонства и по сути является продолжением пятой, в которой Бар Пенкәйе рассказал об классификации демонов и их деятельности среди людей, направленной против исполнения Божественного плана. Свой очерк Бар Пенкәйе начинает с сообщения о еврейских культах согласно книгам Ветхого Завета: Пятикнижию, Псалмам, пророкам Иезекиилю и Исаие. Затем автор переходит к описанию культов языческих народов: греков, египтян, халдеев, персов и арабов. Наиболее подробно представлены греческие мифы: о Кроносе и рождении Зевса, о Зевсе и Деметре, Уране и Гее, Персефоне и Аиде, Афродите, Артемиде и Аполлоне. Египетская мифология представлена мифом об Осирисе и Исиде. Персидская история о творении мира представлена мифом о Зурване, Ормазде и Ахримане. Девятой книгой Бар Пенкәйе заканчивает историю первого века. И хотя, согласно учению Федора Мопсуестийского о двух катастазах, он будет еще длиться, пока люди не обретут неизменяемое и бессмертное состояние, приход Иисуса знаменует собой залог для начала второго века, подлинное наступление которого, по ощущениям Йбәханнәна, близко.

Десятая глава открывает вторую часть «Истории». На протяжении всей главы Бар Пенкәйе сравнивает Иисуса с Адамом и указывает на то, что человечество не смогло получить тогда, и то, что оно должно было получить по Божественному плану и наконец получило сейчас. Началом новой истории Йбәханнән, безусловно, считает Иисуса, поэтому эта книга посвящена причинам, вызвавшим Его приход, Его природе, рождению, жизни и испытаниям. Йбәханнән уделяет большое внимание соединению двух природ, божественной и человеческой, в Иисусе. Благодаря человеческой природе Иисуса были побеждены грех и смерть, и люди, поверившие в него, стали наследниками этих побед.

В одиннадцатой главе Бар Пенкәйе рассказывает об Иисусе как учителе, о Его наставлениях ученикам, об исполнении ветхозаветных

пророчеств о жизни и страданиях Христа и о смысле, скрытом в символах, которые Он показывал своим ученикам.

Двенадцатую главу Йб̄ханнāн делит на две части. Сюжет, который занимает центральное место в первой части, — это вознесение Иисуса на небо в сопровождении двух ангелов, облаченных в белые одеяния, в которых заключался символ примирения ангелов и людей через Христа. Вторую часть двенадцатой главы составляет краткий очерк исторических событий, случившихся при жизни Иисуса и после его смерти до разрушения Иерусалима в 70 г. Основное внимание уделено Иудейским восстаниям 66–71 гг. и поражению восставших, которое, по мнению автора, является наказанием за неверие и все грехи еврейского народа.

Тринадцатая глава посвящена распространению учения Христа, апостолам, их деятельности и возникновению Евангелия. Божественное домостроительство, краткую историю которого Бар Пенкāйē приводит в начале этой книги, было направлено на воссоздание первоначальной связи между Богом и человеком. Деятельность апостолов, сообщение миру вести о примирении Бога и человека через Христа — это следующий этап Божественного плана.

В четырнадцатой главе Бар Пенкāйē описывает историю христиан и Церкви с апостольских времен и до мусульманского завоевания Азии. Йб̄ханнāн в общем виде рассказывает о гонениях на христиан, которые предпринимались до выхода Миланского эдикта, а также о гонениях, совершавшихся при Шапуре III и Юлиане Отступнике. Бар Пенкāйē упоминает многочисленные ереси и Никейский собор 318 г., христологические споры V в., фигуры Нестория и Кирилла Александрийского, Эфесский и Халкидонский соборы и конфессии, возникшие в результате этих споров. Четырнадцатая глава заканчивается сообщением об арабском завоевании передней Азии и падении Персидского царства.

В пятнадцатой главе, последней в «Истории временного мира», Бар Пенкāйē рассказывает о современных ему событиях: арабском завоевании и бедствиях, преследующих его поколение, и отвечает на вопрос Сабрйшб̄', настоятеля монастыря, в котором он жил, о причинах, вызвавших столь печальные последствия. Период правления халифа Му'āви из династии Омейядов Бар Пенкāйē видит как благодатное время, которым люди не сумели воспользоваться. Йб̄ханнāн описывает события Второй фитны и, главным образом, восстание под предводительством аль-Мухтāра, а также

последовавшие за этим чуму и голод как реакцию Бога на недостойное поведение людей. В происходящем Йѳханнѳн видит исполнение пророчеств Нового Завета о Втором пришествии Иисуса и конце света. Такой ответ Бар Пенкѳйѳе дает Сабрѳйшѳѳ и своим читателям на вопросы о смысле происходящих событий.

Фактически сочинение Бар Пенкѳйѳе представляет собой историю Божественного провидения, такого, каким его видит восточносирийское христианство. И одной из замечательных особенностей этого сочинения является то, что это по сути единственное систематизированное представление (от момента творения до конца старого мира) этих идей среди восточносирийской литературы. Бар Пенкѳйѳе объясняет историю человечества с традиционных позиций восточносирийского христианства и воспроизводит все противоречия, ему свойственные. Первый век мыслится как место воспитания, обучения и подготовки человека к новому миру и состоянию, так чтобы он смог принять и адекватно оценить высший Божественный дар: бессмертие. Важным инструментом в постижении добра является закон, к которому относится и природный закон, т.е. некий здравый смысл, и некий явно выраженный закон. Как пишет Йѳханнѳн, способность людей воспринимать все более и более сложные законы со временем росла. С одной стороны, закон был дан людям в помощь, чтобы они следовали добру, т.е. Божественной воле. С другой стороны, помимо этого, Бог являл людям откровения и знаки о той будущей жизни, которая их ждет. Всю историю Бар Пенкѳйѳе видит откровением, символом грядущих событий. Исторические события в «Истории» Йѳханнѳна приобретают значение только в связи с указанием на будущее исполнение обещанного Богом, т.е. на исполнение Божественного плана. События прошлого призваны учить людей о будущем и о неизбежном наступлении этого будущего. И наивысшей точкой в истории обучения и откровений стало явление Христа, его смерть и воскресение. Однако процесс обучения на этом не закончился, и, как повторяет Йѳханнѳн, пророки передали знание апостолам, а апостолы передали знание ныне живущим людям.

Но несмотря на законы, пророков и откровения, люди не становились ближе к Богу. Бар Пенкѳйѳе из главы в главу пишет, что цель его книги — показать Божественную заботу к людям и их непокорность, непослушание, которыми они Ему отвечают. История первого века — это история взросления человечества, наделенного свободой выбора, и история обучения людей, чья свободная воля должна быть соответствующим образом натренирована выбирать добро между добром и злом. Однако процесс

обучения без Божественного вмешательства завершить невозможно, так как в силу своей природы человек не может следовать закону. Как следствие, с одной стороны, грех является неотъемлемой частью человеческой природы, а с другой стороны, это свободный акт непослушания Божественной воле. Именно об этом конфликте первого века и пишет Бар Пенкәйё. Люди по природе смертны, а от того склонны к греху и неспособны подчиниться Божественной воле. И явление Иисуса Йбҳаннән представляет как акт небывалой Божественной щедрости, того самого необходимого Божественного вмешательства, направленного на то, чтобы освободить людей от этого рабства. Победа Иисуса над смертью и грехом является залогом и духовным началом нового мира. Христос восстановил нарушенную гармонию и связь между Богом и людьми. Как пишет Йбҳаннән в десятой главе, человечество начало вести родословную от Иисуса, и десятой же главой начинает новую часть «Истории», символизирующую начало новой жизни.

Как соотносится история Божественного замысла с близким концом света, о котором пишет Йбҳаннән в заключительной главе, не вполне ясно. Бар Пенкәйё представляет события VII века, т.е. голод, чуму и в целом беспокойное положение в регионе, как наказание за грехи современного ему поколения. Людям передано сокровенное знание о будущем мире и ожидающих их благах. Однако Бар Пенкәйё рисует христиан ничуть не лучшими, чем евреи и язычники, о которых он писал в первой части «Истории». Бар Пенкәйё объясняет благодатное время правления халифа Му‘āвии как способ Бога «благодатью и справедливостью» обратить людей к себе. Природные явления и изменения экономической и политической ситуаций тоже несли в себе назидательное значение. Но дальнейшие события, унесшие жизни многих людей, голод и чуму, автор рассматривает как Божественную месть, не имеющую никакого дополнительного смысла. Йбҳаннән не уточняет, является ли завершение этого века исполнением Божественного плана или наоборот отступлением от него. И в этом нам видится своего рода пробел в попытке автора отобразить этот план. С одной стороны, он развивает традиционные восточносирийские концепции Божественного домостроительства, берущие начало в богословии Феодора Мопсуестийского. С другой стороны, он описывает последние события этого мира в духе апокалипсиса. Бар Пенкәйё начинает с творения и доходит до событий, непосредственно следующих за воскресением Иисуса. Заканчивает книгу он современными ему событиями, считая их последними на данном этапе истории. Йбҳаннән технически соединяет начало и конец своего

сочинения четырнадцатой главой, т.е. сообщениями о ересь, церковных соборах, христологических спорах, которые, на наш взгляд, в его концепцию не вполне вписываются. Однако убедительной содержательной связи между этими двумя частями мировой истории Бар Пенкэйе предложить не смог. Тем не менее, сочинение Йōханнāна является первой такого рода попыткой в традиции восточносирийского христианства осмыслить и представить Божественный план в его непрерывном развитии и связать с современной ему действительностью.

Исследователи традиционно рассматривают «Историю временного мира» Йōханнāна бар Пенкэйе как историографическую работу и с некоторыми оговорками помещают ее в один ряд с сирийскими историческими сочинениями. В таком образе «История» выделяется на фоне восточносирийской литературы, которая в отличие от традиции западных сирийцев не была богата такого рода работами. Однако, сочинение Йōханнāна Бар Пенкэйе «История временного мира» ставить в один ряд с историографическими работами не вполне корректно. Такую характеристику оно получило, скорее всего, из-за детального описания событий Второй фитны, которое приводит автор в пятнадцатой книге. Обладая внешними признаками историографической работы, все же целью этой работы, как было отмечено выше, не было запечатлеть и описать прошедшие события. Это сочинение скорее является интерпретацией всем известных фактов, как пишет С. Брок, «a theologically oriented world history» («богословское изложение всемирной истории»).

Другой аспект, который выделяет эту работу из предшествующей восточно- и даже западносирийской традиции, — это ее «универсальность». Как предполагает В. Витаковски, жанр «всемирной истории» был заимствован в сирийскую литературу через «Хронику» Евсевия Кесарийского, которая была переведена на сирийский язык в VI в. Так называемые «универсальные истории евсевианского типа», то есть организующие материал предложенным Евсевием способом и составленные на сирийском языке, появляются лишь в VII в. Безусловно, «История временного мира» не относится к «хроникам евсевианского типа», и решение Бар Пенкэйе организовать материал в виде «универсальной истории» могло быть вовсе не результатом влияния авторитета Евсевия Кесарийского. Однако сам факт «всемирности» этого сочинения представляет собой необычное явление как среди восточносирийских сочинений, так и среди сирийской письменности VII в. в целом, что было уже отмечено Е.Н. Мещерской.

Еще одна отличительная черта «Истории временного мира» — это принцип деления на две части. Некоторые известные нам сирийские исторические сочинения также разделены на две части, как правило, на церковную и светскую истории. Бар Пенкэйе же следует библейскому делению и разделяет свою работу на период до рождения Христа и период после рождения Христа. Такое деление обусловлено тем учением, которое лежит в основе историософии автора.

С другой стороны, в «Истории временного мира» явно выделяются эсхатологические и апокалиптические мотивы. Автор задумывал это произведение как ответ на беспокойное настоящее, пытаясь найти причины тех бед и несчастий, которые обрушились на его современников и соотечественников. Особенно ярко эти мотивы проявляются в заключительной книге сочинения, где Йбханнан, живописуя природные и социальные катастрофы VII в., открыто заявляет, что считает их предвестниками скорого конца. «История временного мира» является не единственным сочинением сирийской литературы VII в., несущим в себе признаки жанра апокалипсиса. Примерно в это же время, во второй половине седьмого века, были созданы и другие подобные произведения. Прежде всего «Историю» ставят в один ряд с такими сочинениями как Апокалипсис Псевдо-Мефодия, Эдесский Апокалипсис, Евангелие двенадцати апостолов. Стоит отметить, что VII в. стал уникальным временем в сирийской литературе для появления произведений такого жанра.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что «История временного мира» представляет собой уникальный памятник сирийской литературы. Йбханнан, будучи настоящим представителем своей эпохи, решил выразить взгляды на развитие мировой истории, свойственные восточносирийской традиции. Когда предчувствия близкого конца витали в воздухе, Бар Пенкэйе начинает писать первую часть истории Божественного домостроительства — историю первого века. В результате возникло совершенно необычное произведение, которое по настроению соответствует своей эпохе, по содержанию — своей традиции, а по форме является уникальным сочинением, которое, рискуем предположить, могло возникнуть только в это время и в этой среде.

Глава III. Третья глава диссертации «О начале перед концом» посвящена сравнительному анализу сочинения «Суть вещей, или История временного мира», в основном его первой главы: библейского рассказа о творении и о связанных с устройством мира и его историей темами (роль

«духовных природ», т. е. ангелов и демонов, в организации мирового порядка и природа человека и ее значение в Божественном замысле и истории «временного мира»). На основе сопоставления «Истории» Бар Пенкәйе и сочинений восточносирийской традиции были выделены основные мотивы, намечены истоки и развитие этих сюжетов. В качестве сравнительного материала для этой главы были использованы работы Феодора Мопсуестийского и восточносирийские сочинения, в основном экзегетические, затрагивающие творение и другие темы первых глав книги Бытия (гомилии Нарсая, «Схолии» Феодора бар Кбнй, комментарий на Пятикнижие Йшб' бар Нӯна, комментарий на книгу Бытия Йшб'дәда Мервского, восточносирийские анонимные комментарии на Пятикнижие, «Книга пчелы» Соломона, епископа Басры). Особое внимание было уделено сочинениям раннесирийских авторов, в частности, прозаическому комментарию на книгу Бытия Ефрема Сирина.

Два этапа творения. Иерархический порядок творения. Бар Пенкәйе разделяет творение мира на два последующих друг за другом этапа. Первый этап он называет *творением* (ܒܪܝܬܐ *brītā*), второй — *формированием* (ܬܝܩܩܢܐ *tiqqānā*). Целью двухчастного акта создания мира является обучение разумных существ, то есть ангелов, которые были созданы в первый день, но еще не знали ни того, кто создал их, ни того, кто создал окружающий мир. Другой важной особенностью создания мира, на которой делает акцент Бар Пенкәйе, является иерархический порядок творения. По-видимому, учение о порядке творения было заимствовано в восточносирийскую традицию благодаря Феодору Мопсуестийскому. Разделение творения на два этапа (на собственно творение и формирование) не является оригинальной мыслью Феодора Мопсуестийского: таким же образом Быт 1:2 понимают, например, и Василий Великий, и Феодорит Кирский. Однако Феодор в этом месте смещает фокус с описания творения на его обучающую роль. Этот «поворот мысли» присутствует и у Бар Пенкәйе, и у других восточносирийских писателей и является важным элементом во всей истории творения.

Другой важной восточносирийской особенностью повествования о первом дне творения был сюжет о первых сотворенных природах. Йбхәннән Бар Пенкәйе перечисляет восемь природ, сотворенных в первый день: небо и ангелы, земля и огонь, вода и ветер, тьма и свет. В дошедших до нас сочинениях восточносирийской литературы, которые так или иначе касаются первой главы книги Бытия, эта тема является традиционной, но ее подача несколько отличается от автора к автору. Появление понятия «первых природ» в восточносирийской традиции стоит связать со взглядами Феодора

Мопсуестийского на творение. Хотя у Федора мы не находим строго списка первотворений, этот автор, а также Ефрем Сирийский оказали влияние на его формирование.

Влиянию Феодора Мопсуестийского стоит также приписать включение ангелов в число творений, созданных вместе с небом и землей. Этот сюжет впервые появляется у Нарсая и в дальнейшем становится отличительной чертой восточносирийской традиции.

Отдельного упоминания заслуживает еще одно творение первого дня — тьма. Тьма в восточносирийской экзегетической традиции представляется самостоятельной сотворенной природой. Ее статус сотворенной природы оспаривался более ранними греческими и сирийскими авторами, поэтому в рассматриваемых сочинениях на этой теме делается особый акцент.

Другим элементом списка первотворений являются четыре стихии: вода, земля, огонь и воздух. Мотив четырех стихий является неотъемлемой частью комментария на первый день творения в восточносирийской литературе и, вероятно, попал туда благодаря влиянию Феодора Мопсуестийского. Мотив четырех стихий, сотворенных вместе с небом и землей, как основами физического мира не ограничен сочинениями ни восточносирийских авторов, если говорить о сирийской литературе, ни Феодором Мопсуестийским, если иметь в виду раннехристианскую литературу. Через греческих богословов это учение проникло и в сирийскую литературу, но в восточносирийскую экзегезу оно могло проникнуть именно из работ Феодора Мопсуестийского как автора, оказавшее большое влияние на эту традицию.

Ангелы. Их функции и роль в истории временного мира. Бар Пенкәйё видит единственную цель существования духовных природ в служении людям. Согласно богословию восточносирийской школы и толкованию стиха Быт 1:26 «сотворим человека по образу Нашему по подобию Нашему», человек, состоящий из невидимой, бессмертной и разумной души и смертного и видимого тела, понимался как связь, объединяющая собой зримый и незримый миры и связывающая собой все творение с Творцом. В качестве такой связи, являя собой образ, или символ, незримого и трансцендентного Бога, человек должен был принимать любовь и почитание всего творения. Забота, которую рациональные и нерациональные природы проявляли по отношению к человеку, являлась выражением их восхваления и любви к Богу. Роль, отведенная у Бар Пенкәйё и в восточносирийской традиции в целом духовным природам в этом мире, напрямую зависит от

понимания роли и места человека в мире. Все творение оказалось подчиненным образу Божьему, которому ему суждено было служить. Мотив служения ангелов людям, который прямо выводим из учения о человеке, является довольно популярным в восточносирийской литературе и, ожидаемым образом, был, как и весь комплекс этого учения, заимствован у Феодора Мопсуестийского. С этой идеей напрямую связано восточносирийское представление о непосредственном участии ангелов в физическом управлении мира, которая также была заимствована у Феодора Мопсуестийского.

В связи с учением об ангелах в сочинении Йōханнāна Бар Пенкāйē был сделан обзор этой темы также по другим памятникам восточносирийской традиции и сделаны следующие выводы. Нарсай и Бар Пенкāйē в своих сочинениях представляют одну традицию, восходящую непосредственно к учению Феодора Мопсуестийского. Бархадбшабба, описывая устройство и функции ангелов через деление их на девять порядков, или чинов, представлял себе устройство духовных природ иным образом, на который Феодор Мопсуестийский едва ли оказал большое влияние. Более поздние авторы, такие как Феодор бар Кōнй и Йшō'дād Мервский, являют компиляцию двух предшествовавших традиций, отраженных в сочинениях Нарсая и Бар Пенкāйē, с одной стороны, и — Бархадбшаббы, с другой. Ангелология Илии Анварского и Соломона, епископа Басры, восходит к третьей, анонимной традиции апокрифа «Завещание Адама», а точнее к его части, именуемой «Иерархия». В целом же, вопрос о формировании учения об ангелах в восточносирийской традиции остается не до конца проясненным.

Учение о демонах представляет собой наиболее оригинальную часть «Истории», только к некоторым частям которого нам удалось найти параллели в сирийской литературе. Одной из таких частей является сюжет о Сатане как начальнике воздушной стихии, который восходит к толкованию Феодора Мопсуестийского на Еф 2:2 и в целом к его учению о роли ангелов в жизни людей. В остальном же учение о демонах представляется довольно самостоятельным. В пятой главе «Истории» Бар Пенкāйē описывает происхождение демонов, их иерархию, свойства и функции. Также по всем книгам сочинения можно реконструировать историю их деятельности во «временном мире». Такое внимание к этой теме могло быть обусловлено тем, что, намереваясь описать историю временного мира как историю непослушания и конфликта, Йōханнāн счел необходимым включить историю демонов как важную его часть.

Природа первого человека. Одним из важнейших догматических вопросов для Бар Пенкәйе в частности и для восточносирийской литературы в целом является вопрос о природе человека: сотворил ли Бог Адама смертным изначально или сделал его смертным в наказание за нарушение заповеди. Восточносирийская литература вместе с Бар Пенкәйе в отличие от представителей раннесирийской литературы, Ефрема Сирина и Афраата, которые считали, что человек был сотворен ни смертным, ни бессмертным, дают положительный ответ на этот вопрос. Подход к этому вопросу в восточносирийской традиции за исключением некоторым деталей восходит к Феодору Мопсуестийскому.

В Заключении сформулированы основные выводы исследования:

- собраны и систематизированы сведения относительно жизни и творчества Йōханнана бар Пенкәйе. На основании этих сведений предложена оценка роли Йōханнана бар Пенкәйе в сирийской интеллектуальной культуре;

- на основании изучения названия произведения «История временного мира», а также на основании поглавного анализа содержания этого произведения сделан вывод, что Йōханнан бар Пенкәйе в качестве исторической парадигмы избрал учение Феодора Мопсуестийского о двух веках;

- на основании сопоставления книги «Суть вещей, или История временного мира» с другими произведениями сирийской литературы, созданными в тот же период, удалось выявить общие черты, объединяющие эти произведения, а именно появление апокалиптического мотива как реакции на современные события. Особенным это сочинение делает то, что Бар Пенкәйе в качестве исторической парадигмы избрал учение о двух веках Феодора Мопсуестийского. В результате чего «История временного мира» является первой попыткой в традиции восточносирийского христианства осмыслить и представить Божественный план в его непрерывном развитии;

- на основании сравнительного изучения первой главы «Истории временного мира» выделены основные сюжеты и мотивы в представлении первого дня творения в восточносирийской традиции и установлен их источник; было показано, что Бар Пенкәйе в своем сочинении синтезировал и воспроизвел эти сюжеты в целом без существенных отклонений от сложившейся традиции. Мотив о роли демонов в истории первого века как часть истории участия «духовных природ» в судьбе мира и людей является оригинальным вкладом Йōханнана бар Пенкәйе в представление Божественного замысла.

Содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

в изданиях, включенных в «Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук», и в признанную ВАК международную библиографическую базу данных Scopus:

1. *Фурман Ю.В.* Йōханнāн бар Пенкāйē и его «История»: курьезы интерпретации имени автора и названия произведения // Вестник РГГУ. 2012. № 20 (100). С. 93–109.
2. *Furman Y.* The origins of the temporal world: The first mē'mrā of the Kṭābā d-rēš mellē of John bar Penkāyē // *Scrinium*. 2014. №10. P. 3–46 [Scopus].
3. *Furman Y.* Zeus, Artemis, Apollo: John bar Penkāyē on Ancient Myths and Cults // *Scrinium*. 2014. №10. P. 47–96 [Scopus].
4. *Фурман Ю.В.* «Временной мир» в сирийской литературе и «Истории» Йōханнāна бар Пенкāйē // Вестник РГГУ. 2015. № 3. С. 21–38.

в прочих публикациях по теме диссертации:

5. *Фурман Ю.В.* «Хроника» Йōханнāна бар Пенкāйē о времени арабского завоевания / пер. с сир. // *Символ*. 2010. № 58. С. 356–385.
6. *Фурман Ю.В.* Персы и их религия в «Истории» Йōханнāна бар Пенкāйē // *Символ*. 2012. № 61. С. 122–146.
7. *Фурман Ю.В.* «Суть вещей» Йōханнāна бар Пенкāйē о ложных культах // *Точки/Puncta*. 2012. № 11:1–4. С. 142–150.
8. *Фурман Ю.В.* Первый день творения и «первые природы» в «Истории временного мира» Йōханнāна бар Пенкāйē // *Miscellanea Orientalia Christiana. Восточнохристианское разнообразие / Российский государственный гуманитарный университет, Институт восточных культур и античности; Ruhr-Universität Bochum, Seminar für Orientalistik und Islamwissenschaft; ред. Н.Н. Селезнев, Ю.Н. Аржанов. Москва: ИВКА РГГУ, Пробел-2000, 2014. С. 9–25.*
9. *Furman Y.* The Concept of the Temporal World According to John Bar Penkaye and Isaac the Syrian // *St Isaac the Syrian and his spiritual legacy: Proceedings from the International Patristics Conference, Moscow, 2013. New York, 2015. P. 181–186.*
10. *Фурман Ю.В.* Бар Пенкāйē и Альфонс Мингана: История одной рукописи // *Источниковедение культурных традиций*

Востока: гебраистика — эллинистика — сирология — славистика.
Сборник научных статей [в честь Е.Н. Мещерской] / Отв. ред.
К.А. Битнер, Н.С. Смелова; Петербургский ин-т иудаики. — СПб.,
2016 (Труды по иудаике. Сер. «Филология и культурология». Вып.
4). С. 222–228.